REFERENCES

1. *Denisova G. V.* V mire interteksta: jazyk, pamjat', perevod / Predisl. S. Gardzonio; Predisl. Ju. N. Karaulova. M.: Azbukovnik, 2003. 289 s.
2. *Karaulov Ju. N.* Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. M., 2007. 264 s.
3. *Karaulov Ju. N.* Aktivnaja grammatika i associativno-verbal'naja set'. M.: Institut russkogo jazyka RAN, 1999. 180 s.
4. *Klimenko A. P., Suprun A. E.* Associativnyj jeksperiment v rjadu drugih metodov semanticheskih issledovanij // Slovar' associativnyh norm russkogo jazyka / In-t rus. jaz. im. A. S. Pushkina; Sost. A. A. Leont'ev, A. P. Klimenko, A. E. Suprun i dr.; Pod red. A. A. Leont'eva. M.: Izd-vo Mosk. gos. un-ta, 1977. S. 17–24.
5. *Kozyrev V. A., Chernjak V. D.* Sovremennaja jazykovaja situacija i rechevaja kul'tura: Ucheb. posobie. M.: Flinta, 2012. 181 s.
6. *Kuz'mina N. A.* Intertekst: tema s variacijami: fenomeny jazyka i kul'tury. 2-e izd., ispr. i dop. M.: URSS LIBROKOM, 2011. 271 s.
7. Russkij associativnyj slovar': associativnye reakcii shkol'nikov 1–11 klassov: V 2 t. / V. E. Gol'din, A. P. Sdobnova, A. O. Mart'janov. Saratov: Izd-vo Saratov. gos. un-ta im. N. G. Chernyshevskogo, 2011. T. I–II.
8. Russkij associativnyj slovar': V 2 t. / Avt. Ju. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimceva, Ju. A. Sorokin, E. F. Tarasov; In-t rus. jaz. RAN. M.: Astrel', 2001. T. 1–2.
9. *Sdobnova A. P.* Precedentnye fenomeny v associativnom slovare shkol'nikov // Jazykovoe soznanie: teoreticheskie i prikladnye aspekty. M.; Barnaul, 2004. S. 227–239.
10. *Sirotinina O. B.* Sociolingvisticheskij faktor v stanovlenii jazykovoj lichnosti // Jazykovaja lichnost': sociolingvisticheskie i jemotivnye aspekty: Sb. nauch. tr. / VGPU; SGU. Volgograd: Peremena, 1998. C. 3–9.
11. Slovar' associativnyh norm russkogo jazyka / In-t rus. jaz. im. A. S. Pushkina; avt. A. A. Leont'ev, A. P. Klimenko, A. E. Suprun i dr.; Pod. red. A. A. Leont'eva. M.: Izd-vo Mosk. gos. un-ta, 1977. 192 s.
12. Slovar' detskih associacij: associacii detej ot shesti do desjati let / Sost. N. I. Beresneva, L. A. Dubrovskaja, I. G. Ovchinnikova. Perm': Izd-vo Perm. gos. un-ta, 1995. 255 s.
13. Slovar' obydennyh tolkovanij. Leksika prirody: V 2 t. / Pod red. N. D. Goleva. Kemerovo: Izd-vo Kemerov. un-ta, 2012. T. 1: A–M (Abrikos — muravej): (478 slov-stimulov). 500 s.
14. *Slyshkin G. G.* Ob apelljacii k precedentnym tekstam v diskurse // Jazykovaja lichnost': sociolingvisticheskie i jemotivnye aspekty: Sb. nauch. tr. / VGPU; SGU. Volgograd: Peremena, 1998. S. 197–206.
15. *Solomina N. V.* Intertekstual'nyj tezaurus sovremennoj jazykovoj lichnosti (na materiale pis'mennyh tekstov SMI i intellektual'nyh igr): Avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2008. 25 s.

А. А. Буткевич

ЦИКЛ «ВИЗАНТИЙСКИХ» ЛЕГЕНД Н. С. ЛЕСКОВА В КРИТИКЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ: НОМИНАЦИИ И ПОЭТИКА

Статья посвящена рассмотрению истории изучения цикла «византийских» легенд Н. С. Лескова в аспекте номинаций, которые давали произведениям цикла критики и литературоведы. Каждая историческая веха в рецепции этих произведений отмечена определенными номинациями, которые оказывались связаны с особенностями поэтики. Так, определение «проложные» тесно соприкасалось с одним из источников лесковского цикла — памятником древнерусской литературы Прологом. При этом «обстановочность» как одна из особенностей «византийских» легенд оставалась на периферии лескововедения, несмотря на то, что именно эта номинация отражает в данном случае специфику художественной организации текста. Мы заостряем внимание прежде всего на этой особенности изучаемых историко-литературных явлений.

Ключевые слова: Н. С. Лесков, «византийские» легенды, поэтика, история изучения, «обстановочность».

A. Butkevich

N. LESKOV'S CYCLE OF «BYZANTINE» LEGENDS IN CRITICISM AND LITERARY CRITICS: NOMINATIONS AND POETICS

The article is devoted to consideration the history of the study N. Leskov's cycle of «byzantine» legends in the aspect of the nominations, which gave the works of the cycle of criticism and literary critics. Each historical milestone in the reception of these works is marked by defined categories, which are associated with peculiarities of poetics. For example, the definition of «prologue» was closely connected with one of the sources of Leskov's cycle — a monument of ancient Russian literature the Prologue. The «situational» as one of the features of the «byzantine» legends remained at the periphery of the study, despite the fact that it was this nomination reflects the specifics of the art organization of the text. We are focuses primarily on the characteristics of the studied historical-literary phenomena.

Keywords: N. S. Leskov, «byzantine» legends, poetics, history of research, «situationality».

Цикл поздних произведений Лескова (1880–1890-е гг.), в состав которого входят повести «Скоморох Памфалон» (1887), «Прекрасная Аза» (1888), «Гора» (1890), «Невинный Пруденций» (1891) и др., исследователи называют по-разному[1]. А. А. Горелов на основании деления составляющих цикл текстов на легенды из русской жизни и легенды из римско-византийской и египетской, раннехристианской и дохристианской жизни предложил широко используемую в современном литературоведении дефиницию «византийские» по отношению к произведениям цикла [6, с. 264]. Наряду с данным именованием применяется также характеристика «проложные», которую часто можно встретить на страницах исследовательских и критических работ. Известно, что одним из основных источников рассматриваемых произведений Лескова был Пролог, на что указывает и сам писатель: каждое произведение соотносится с конкретным сказанием из памятника древнерусской литературы. Сравнительно редко используется определение «апокрифические».

История исследования «византийских» легенд Лескова берет свое начало в прижизненной критике. После выхода в свет отдельных произведений будущего цикла и в церковных, и в светских изданиях появилось значительное количество статей как известных критиков, так и малознакомых не только современному читателю рецензентов[2].

Библиограф, критик и автор ряда этюдов о русских писателях А. И. Введенский одним из основных свойств таланта Лескова называет «силу изобразительности, способность описать, представить картину природы и жизнь с такою полнотою и правдой, чтобы в воображении читателя ясно и отчетливо нарисовалась та картина, которая была в воображении автора» [1, с. 395].

Литературный критик и публицист-народник М. А. Протопопов в статье с показательным названием «Больной талант» говорит о проложных сказаниях, которые называет «превосходными произведениями», как о своеобразном «успокоении» недуга Лескова и укреплении способности «к тихому созерцанию», «к спокойному повествованию», «к поучительному морализованью» [13, с. 275], что, по мнению критика, является основой таланта писателя.

М. О. Меньшиков, выступивший с разбором вошедших в одиннадцатый том сочинений Лескова (1893) произведений, делает акцент на особенной манере повествования, которая выделяет писателя из ряда других художников слова, и характеризует

ее как «неправильную, пеструю, антикварную» [11, с. 332]. Сопоставляя Лескова с Флобером, Меньшиков говорит о стремлении первого «знать весь быт и всю обстановку своих героев до последней черточки… вооружить себя всеми красками, всеми средствами для своей живописи» [11, с. 334].

В связи с «византийскими» легендами Лескова сравнивали с Флобером довольно часто. Характерен фрагмент из воспоминаний профессора Киевского университета Ф. Г. де Ла Барта об одном из первых чтений будущей повести «Гора»: «Мне довелось слышать этот роман в чтении самого Лескова. В первоначальной редакции он назывался “Зенон Златокузнец”. Это была блестящая картина александрийской жизни, общества времен упадка Римской империи. Описания празднеств, бытовые сцены могли соперничать с лучшими страницами романов Флобера. От этого последнего Лесков отличался лишь своим крайним сенсуализмом: оргиазм страстей описывался им с особенной любовью» [8, с. 19].

В 1890 г. С. Трубачев писал о повести Лескова «Гора», входящей в ряд проложных сказаний, как о воссоздании египетской жизни «в ряде ярких, очень колоритных и мастерских картин, сильно врезывающихся в память» [14, с. 679].

Примечательно, что критики, поразному оценивавшие произведения Лескова, в своих характеристиках так или иначе указывают на визуальную составляющую поэтики «византийских» легенд, на особенную, в чем-то уникальную форму этих художественных текстов. Наряду с немногочисленными попытками определить своеобразие проложных легенд и отразившуюся в них творческую индивидуальность Лескова значительное место в истории восприятия данных произведений занимают отрицательные оценки.

В статье, которая позднее вышла отдельной брошюрой, критик Г. П. Георгиевский разбирает одну из «византийских» легенд — «Невинный Пруденций» — через сопоставление с Прологом и приходит к выводу о том, что произведение Лескова «растянуто, скучно, скабрезно и написано тяжелою, как будто гекзаметрическою, прозой» [4, с. 5].

А. Л. Волынский, говоря о проложных сказаниях, отмечает «отсутствие психологических и внешне драматических красок» [2, с. 120] в этих лесковских произведениях, в то время как в самом древнерусском памятнике язык сохраняет свежесть и непосредственность.

Исследователь творчества Лескова, чей труд был опубликован сравнительно недавно, А. А. Измайлов, отмечая отдельные достоинства некоторых проложных сказаний, тем не менее говорит о «печати искусственности», которая лежит на этих произведениях, «непомерной растянутости» повествования [9, с. 425].

Те особенности произведений цикла, которые названные авторы оценивают негативно: «растянутость, скучность», «аляповатость, запутанность, неопределенность», — парадоксально оказываются связанными с трудностью, о которой писал сам Лесков[3].

В 90-е гг. XIX в. был заложен фундамент для изучения творческой манеры Лескова. Появившиеся в этот период работы полемичны и направлены на поиски места Лескова в истории русской литературы[4].

В начале XX в. М. Горький дает одну из самых известных характеристик таланта Лескова — «самобытнейший писатель русский» — и говорит о необходимости осмысления места писателя в истории культуры. Д. С. Мережковский, в свою очередь, отмечая неверную оценку «поверхностной критикой» проложных легенд и используя метафорическое сравнение, высоко оценивает художественную сторону этих произведений: «Его (Н. С. Лескова. — *А. Б.*) мистические легенды из “Пролога” — очаровательны. Какая неувядаемая свежесть, какая наивная и младенческая гра-

ция! Эти тысячелетние, засохшие цветы, с едва заметным слабым ароматом, заложенные между пыльными пергаментными страницами древнецерковных или раскольничьих книг, — под пером художника каким-то чудом вдруг оживают, распускаются, вспыхивают вешними красками, как только что расцветшие, только что сорванные» [12, с. 554].

Исследование особенностей творчества Лескова в целом и «византийских» легенд в частности было продолжено в трудах Б. Л. Другова, Б. М. Эйхенбаума, П. С. Когана, В. А. Гебель, Л. П. Гроссмана и др. Так, Гебель пишет о значительном месте произведений на темы Пролога в позднем творчестве Лескова. Именно в этой работе впервые появляется определение «обстановочные» по отношению к легендам Лескова, «тонкого мастера исторической реставрации, влюбленного в старинные редкостные вещи, яркое сочетание красок» [3, с. 66]. Для творческой работы писателя, по утверждению исследовательницы, характерно сочетание обстоятельного изучения источников с «ярким художественно-пластическим оформлением материала» [там же]. Перекликается с такой характеристикой и оценка основного эстетического закона творчества Лескова, данная Гроссманом: «сочетание углубленного изучения и яркой изобразительности» [7, с. 255–256]. Чрезвычайно существенным в этой связи оказывается обращение к записным книжкам Лескова, к источникам произведений цикла[5].

В работах лескововедов середины и конца XX в. «византийские» легенды Лескова рассматриваются в большинстве случаев с точки зрения темы праведничества и воплощения образа праведника, а также с позиции поиска источников проложных сказаний[6]. Особенности поэтики и проблемы интерпретации «византийских» легенд затрагивают в своих статьях Д. С. Лихачев, Г. В. Мосалева, А. М. Ранчин, М. П. Чередникова и др.[7]

В настоящее время лескововедение старается опровергнуть устоявшуюся точку зрения на «византийские» легенды как на произведения, занимающие периферийное положение в творчестве Лескова. Особенности поэтики проложных сказаний на современном этапе изучения рассматриваются в связи с доминирующими в культуре XXI в. концепциями[8].

Е. С. Черткова в своей статье предлагает искать объяснение негативных оценок цикла «в их стилизаторской природе, в обращении к поэтике других эпох и культур» [16, с. 73]. В работе М. В. Гесс выделены два компонента категории телесности в творчестве Лескова — «плотское» (отрицательное) и «телесное» (положительное) [5]. Ф. Листван, продолжая одну из исследовательских линий в изучении «византийских» легенд, утверждает, что Лесков развивает «идею единения народов и деятельной христианской жизни, насыщая свои произведения евангельским текстом» [10, с. 40].

Многие работы посвящены связи «византийских» легенд и древнерусской литературы: рассматриваются особенности произведений Лескова в соотношении с Прологом, связь с жанрами древнерусской письменности[9].

В диссертации А. А. Федотовой «Поэтика поздней прозы Н. С. Лескова: интертекстуальный аспект» (2012) на материале очерков и «византийских» легенд писателя рассматриваются способы создания пересказа, стилизации, модели работы с цитатами и аллюзиями [15].

Итак, в каждый период изучения цикла поздних произведений Лескова (1880–1890-е гг.) в центре внимания находятся определенные аспекты поэтики, которые отражаются в доминирующих названиях цикла («проложные», «византийские», «апокрифические» легенды). Но «обстановочность» как одна из специфических особенностей организации произведений, заявленная самим автором, остается на периферии изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. подробнее: *Горелов А. А.* «Византийские» легенды // Горелов А. А. Н. С. Лесков и народная культура. Л., 1988. С. 264–279; *Минеева И. Н.* Древнерусский Пролог в творчестве Н. С. Лескова: Дис. … канд. филол. наук. Петрозаводск, 2003. 282 с.; *Жирунов П. Г.* Мотив чуда в легендах из Пролога Н. С. Лескова (К вопросу о жанровой типологии) // Православие в контексте отечественной и мировой литературы. Арзамас, 2006. С. 347–354.

[2] См., например: *Буренин В.* Критические очерки // Новое время. 1889. № 4964. С. 2; *Пономарев А. И.* Славяно-русский Пролог в его церковно-просветительном и народно-литературном значении // Прибавления к «Церковным ведомостям». 1890. № 13. С. 444–449; № 20. С. 643–649; *Страхов С. В.* Два сказания Пролога в переделке г. Лескова // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1894. Кн. 3. Отд. II. С. 145–149.

[3] См. письмо А. С. Суворину от 9 декабря 1889 г. (*Лесков Н. С.* Собрание сочинений: В 11 т. Т. 11. М., 1958. С. 448).

[4] См., например: *Венгеров С. А.* Лесков (Николай Семенович) // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза — И. А. Ефрона. СПб., 1896. Т. XVIII. С. 147–150; *Михайловский Н. К.* Литература и жизнь // Русское богатство. 1897. № 6. Июнь. С. 98; *Сементковский Р. И.* Николай Семенович Лесков: Критико-биографический очерк // Полное собрание сочинений Н. С. Лескова. СПб., 1902–1903. Т. 1. С. 5–66.

[5] Среди существующих источниковедческих работ отметим исследования И. Н. Минеевой: диссертацию «Древнерусский Пролог в творчестве Н. С. Лескова» (2003) и ряд статей.

[6] См., например: *Видуэцкая И. П.* Жанр рассказа в творчестве Н. С. Лескова // Филологические науки. 1961. № 2. С. 80–92; *Столярова И. В.* В поисках идеала (Творчество Н. С. Лескова). Л., 1978. 231 с.; *Старыгина Н. Н.* Проблема цикла в прозе Н. С. Лескова: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Л., 1985. 23 с.

[7] См., например: *Лихачев Д. С.* Особенности поэтики произведений Н. С. Лескова // Лихачев Д. С. Литература — Реальность — Литература. Л., 1984. С. 138–149; *Мосалева Г. В.* «Оборотничество» как проявление ярмарочного мироощущения в легенде Н. С. Лескова «Скоморох Памфалон» // Творчество Лескова в контексте русской и мировой литературы: Материалы конференции. Орел, 1995. С. 33–34; *Ранчин А. М.* К поэтике литературной мистификации: легенды Н. С. Лескова по старинному Прологу // Тыняновские чтения. М., 1998. Вып. 10. С. 96–117.

[8] См., например: *Макарова Е. А.* Древнерусский Пролог в круге чтения Н. С. Лескова и Л. Н. Толстого // Лев Толстой и время. Томск, 2010. С. 40–50; *Донцов С.* Неслучайность «византийских» повестей в творчестве Н. С. Лескова: (К 180-летию Н. С. Лескова) // Наш современник. М., 2011. № 2. С. 222–226; *Непомнящих Н. А.* Сюжет о смиренном праведнике: «Скоморох Памфалон» Н. С. Лескова в свете поучений святителя И. Брянчанинова // Нарративные традиции славянских литератур: от Средневековья к Новому времени. Новосибирск, 2014. С. 195–200.

[9] См., например: *Новикова А. А.* Художественная проповедь «позднего» Лескова // Литературная Россия: прошлое — настоящее — будущее: Сб. науч. ст. Орел, 2003. С. 54–67; *Барковская Ю. В.* Особенности произведений Н. С. Лескова на темы Пролога // Русское слово и высказывание: рациональное и эмоциональное. М.: МГОУ, 2006. С. 105–106; *Жирунов П. Г.* Мотив чуда в легендах из Пролога Н. С. Лескова. (К вопросу о жанровой типологии) // Православие в контексте отечественной и мировой литературы. Арзамас: АГПИ, 2006. С. 347–354; *Уртминцева М. Г.* Древнерусский Пролог в художественном сознании Н. С. Лескова // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 1. № 3. С. 7–13.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Введенский А. И.* Современные литературные деятели. II. Николай Семенович Лесков // Исторический вестник. 1890. Май. № 5. С. 393–407.

2. *Волынский А. Л.* Н. С. Лесков // Н. С. Лесков: классик в неклассическом освещении. СПб., 2011. С. 40–155. (Первая публикация: *Волынский А. Л.* Н. С. Лесков // Северный вестник. 1897. № 1. С. 279–307; № 2. С. 255–282; № 3. С. 261–297; № 4. С. 234–274; № 5. С. 249–286).

3. *Гебель В. А.* Н. С. Лесков. В творческой лаборатории. М., 1945. 224 с.

4. *Георгиевский Г. П.* Апокрифическое «сказание» или литературная фальсификация. Издание «Русского обозрения». М.: Университетская типография, 1892. 16 с.

5. *Гесс М. В.* Проблема телесности человека в творчестве Н. С. Лескова 1880–1890-х гг. // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. Томск, 2012. Вып. 13. Т. 2. С. 40–43.

6. *Горелов А. А.* «Византийские» легенды // Горелов А. А. Н. С. Лесков и народная культура. Л., 1988. С. 264–279.

7. *Гроссман Л. П.* Н. С. Лесков: Жизнь, творчество, поэтика. М., 1945. 320 с.

8. *Ла Барт Ф. Г. де.* Литературный кружок 90-х годов (Из воспоминаний о Вл. Соловьеве, Н. С. Лескове и др.) // Известия общества славянской культуры. 1912. Т. 2. Кн. 1. С. 8–21.

9. *Измайлов А. А.* Лесков и его время // Н. С. Лесков: классик в неклассическом освещении. СПб., 2011. С. 417. (До указанной публикации рукопись незавершенного труда А. А. Измайлова (1873–1921) хранилась в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН).

10. *Листван Ф.* Христианские легенды Николая Лескова // Литература и культура в контексте Христианства. Образы, символы, лики России. Ульяновск, 2008. Ч. 1. С. 34–41.

11. *Меньшиков М. О.* Художественная проповедь (XI том сочинений Н. С. Лескова) // Меньшиков М. О. Критические очерки. СПб., 1899. Т. 1. С. 330–352.

12. *Мережковский Д. С.* Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995. 623 с.

13. *Протопопов М. А.* Больной талант // Русская мысль. 1891. № 12. С. 258–278.

14. *Трубачев С.* «Гора», роман из египетской жизни Н. С. Лескова // Исторический вестник. 1890. Т. 40. № 6. С. 679–680.

15. *Федотова А. А.* Поэтика поздней прозы Н. С. Лескова: интертекстуальный аспект: Дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2012. 209 с.

16. *Черткова Е. С.* Традиция античного испытания в цикле Н. С. Лескова «византийские» легенды // Уч. зап. Орл. гос. ун-та: Лесковский сб. Орел, 2006. Т. 3. С. 70–75.

REFERENCES

1. *Vvedenskij A. I.* Sovremennye literaturnye dejateli. II. Nikolaj Semenovich Leskov // Istoricheskij vestnik. 1890. Maj. № 5. S. 393–407.

2. *Volynskij A. L.* N. S. Leskov // N. S. Leskov: klassik v neklassicheskom osveshhenii. SPb., 2011. S. 40–155. (Pervaja publikacija: *Volynskij A. L.* N. S. Leskov // Severnyj vestnik. 1897. № 1. S. 279–307; № 2. S. 255–282; № 3. S. 261–297; № 4. S. 234–274; № 5. S. 249–286).

3. *Gebel' V. A.* N. S. Leskov. V tvorcheskoj laboratorii. M., 1945. 224 s.

4. *Georgievskij G. P.* Apokrificheskoe «skazanie» ili literaturnaja fal'sifikacija. Izdanie «Russkogo obozrenija». M.: Universitetskaja tipografija, 1892. 16 s.

5. *Gess M. V.* Problema telesnosti cheloveka v tvorchestve N. S. Leskova 1880–1890-h gg. // Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedenija. Tomsk, 2012. Vyp. 13. T. 2. S. 40–43.

6. *Gorelov A. A.* «Vizantijskie» legendy // Gorelov A. A. N. S. Leskov i narodnaja kul'tura. L., 1988. S. 264–279.

7. *Grossman L. P.* N. S. Leskov: Zhizn', tvorchestvo, pojetika. M., 1945. 320 s.

8. *La Bart F. G. de.* Literaturnyj kruzhok 90-h godov (Iz vospominanij o Vl. Solov'eve, N. S. Leskove i dr.) // Izvestija obshhestva slavjanskoj kul'tury. 1912. T. 2. Kn. 1. S. 8–21.

9. *Izmajlov A. A.* Leskov i ego vremja // N. S. Leskov: klassik v neklassicheskom osveshhenii. SPb., 2011. S. 417. (Do ukazannoj publikacii rukopis' nezavershennogo truda A. A. Izmajlova (1873 1921) hranilas' v IRLI (Pushkinskij Dom) RAN).

10. *Listvan F.* Hristianskie legendy Nikolaja Leskova // Literatura i kul'tura v kontekste Hristianstva. Obrazy, simvoly, liki Rossii. Ul'janovsk, 2008. Ch. 1. S. 34–41.

11. *Men'shikov M. O.* Hudozhestvennaja propoved' (XI tom sochinenij N. S. Leskova) // Men'shikov M. O. Kriticheskie ocherki. SPb., 1899. 1. S. 330–352.

12. *Merezhkovskij D. S.* Tolstoj i Dostoevskij. Vechnye sputniki. M., 1995. 623 s.

13. *Protopopov M. A.* Bol'noj talant // Russkaja mysl'. 1891. № 12. S. 258–278.

14. *Trubachev S.* «Gora», roman iz egipetskoj zhizni N. S. Leskova // Istoricheskij vestnik. 1890. T. 40. № 6. S. 679–680.

15. *Fedotova A. A.* Pojetika pozdnej prozy N. S. Leskova: intertekstual'nyj aspekt: Diss.... kand. filol. nauk. Jaroslavl', 2012. 209 s.
16. *Chertkova E. S.* Tradicija antichnogo ispytanija v cikle N. S. Leskova «vizantijskie» legendy // Uch. zap. Orl. gos. un-ta: Leskovskij sb. Orel, 2006. T. 3. S. 70–75.

О. Е. Горбатовская

ФОРМЫ *UN, UNE* И *.I.* — СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЛИ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИМЕНИ? (На материале романа Кретьена де Труа «Персеваль, или Сказание о Граале»)

В данной статье приведены результаты анализа употребления двух различных форм графического выражения единичности и неопределенности — буквенных форм un, une и римской цифры .I. (.i.) — на материале романа Кретьена де Труа «Персеваль, или Сказание о Граале». В результате графического, количественного, формально-функционального, дистрибутивного, лексико-семантического анализа гипотеза о функции семантического определения, присущей этим формам, была опровергнута и было выявлено, что критерием выбора формы un, une или .I. (.i.) выступает необходимость показать графически грамматическую форму существительного (категорию рода, числа, падежа) и особенности произношения (элизию e перед последующей гласной).

Ключевые слова: неопределенный артикль, семантическое определение, грамматическое определение, нумеральность, неопределенность, грамматическая форма.

O. Gorbatovskaia

THE FORMS *UN, UNE* AND *.I.* — SEMANTIC OR GRAMMATICAL DEFINING OF A NOUN (on the Material of the Novel of Chretien de Troyes "Perseval or the Story of the Grail")

This article presents the analysis of the uses of two different forms of graphic expression of singularity and indefiniteness — literal forms un, une and Roman numeral .I. (.i.). The research is based on the novel of Chrétien de Troyes "Perceval or the Story of the Grail". As a result of graphical, quantitative, formal and functional, distributive, lexical and semantic analysis, the hypothesis of the semantic defining function inherent to these forms was denied. It was revealed that the criteria for the choice of un, une or .I. (.i.) is based on the need to show graphically the grammatical form of the noun: category of gender, number, case, and the pronunciation (the elision of e before a subsequent vowel).

Keywords: indefinite article, semantic defining, grammatical defining, numerality, indefiniteness, grammatical form.

Несмотря на то, что по проблемам артикля написано огромное количество работ, интерес к этому грамматическому явлению не угасает, и связано это прежде всего с тем, что далеко не все проблемы обрели свое решение. В современном французском языке мы регулярно сталкиваемся с примерами, которые ставят в ту-